

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: ПОЛИТИКО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ФОРМАТЕ РФ-КНР

© 2019 А. САЛИЦКИЙ, Н. СЕМЕНОВА

DOI: 10.31857/S032150750003728-2

Статья посвящена теоретическим основам исследования энергетической проблематики с точки зрения ее влияния на внутреннюю и внешнюю стратегию государств. На первый план выходит исследовательская задача анализа эволюции энергетики из чисто экономического фактора в фактор политический - борьбы за национальные интересы с учетом глобального и регионального контекста. Авторы обращаются к малоизученной проблеме определения характера и механизмов влияния международно-политических факторов на процесс реализации энергетических (углеводородных) интересов России и Китая в Центральной Азии.

Ключевые слова: национальные интересы, баланс сил, энергетика, безопасность, Россия, Китай, Центральная Азия

CENTRAL ASIA: POLITICAL AND ENERGY ISSUES IN THE RUSSIA-CHINA FORMAT

Aleksandr I. SALITSKY, Dr.Sc. (Economics), Chief Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (sal.55@mail.ru)

Nelli K. SEMENOVA, PhD (Political Science), Senior Research Fellow, Department of Economic Research, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (semenovanelli-2011@mail.ru)

The article is devoted to theoretical bases of research of energy problems from the point of view of its influence on the internal and external strategy of states. The research task of analysing the evolution of energy from a purely economic factor, into a political factor - the struggle for national interests taking into account the global and regional context. The object of research is international relations in the energy sector. The subject of the study is the formation of elements of a possible «competitive field» in the political and energy sphere of the Russian Federation - People's Republic of China in the Central Asian region. In the course of the research, the author used the conceptual-categorical apparatus of the theory of international relations, economics and political science and the method of comparative analysis, which made it possible to trace the similarities and differences in the understanding of Western theories and Chinese approaches. In particular, the author considers the understanding of power / influence practiced in Western approaches as an aspiration for direct and power geopolitical control, which in Chinese transcription is understood as a limited, natural, precisely dosed, directed impact on key points of regions and countries, states and social systems. With regard to the analysis of international relations in the energy sector, a key role is given to the interests of states seeking to maximize access to energy resources (their countries porters), or the most favorable conditions for the realization of their energy resources in world markets (exporting countries). The author comes to the conclusion that at the present stage of the development of international relations, the so-called. The «power arsenal» of states has significantly expanded. The author turns to the little-studied problem of determining the nature and mechanisms of the influence of international political factors on the process of realizing the energy (hydrocarbon) interests of Russia and China in Central Asia.

Keywords: national interests, balance of power, energy, security, Russia, China, Central Asia

При анализе международных отношений в энергетической сфере ключевая роль отводится интересам государств, стремящихся к обеспечению максимального доступа к энергоресурсам (страны-импортеры), или максимально выгодным условиям реализации своих энергоресурсов на мировых рынках (страны-экспортеры). На современном этапе развития международных отношений т.н. «силовой арсенал» государств существенно расширился.

Изучение энергетической проблематики с точки зрения ее влияния на внутреннюю и внешнюю стратегию государств привлекает все большее

внимание ведущих научных экспертов. Роль энергетики, как бы экономического фактора, в политической борьбе за национальные интересы с уче-

САЛИЦКИЙ Александр Игоревич, доктор экономических наук, гл.н.с. Центра проблем развития и модернизации Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М.Примакова РАН. РФ, 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23 (sal.55@mail.ru)

СЕМЕНОВА Нелли Кимовна, кандидат политических наук, ст.н.с. Отдела экономических исследований ИВ РАН. РФ, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12 (semenovanelli-2011@mail.ru)

том глобального и регионального контекста общеизвестна. В настоящее время наблюдается всплеск отечественных и зарубежных экспертно-аналитических исследований центральноазиатского региона, с использованием понятийно-категориального аппарата теории международных отношений, экономики и политологии. Научная мысль направлена на изучение роли ведущих региональных держав РФ и КНР в регионе, вопросов региональной безопасности и возможности энергетической кооперации России и Китая в Центральной Азии (ЦА).

Экспертное сообщество констатирует: топливно-энергетическая тематика стала частью международных отношений, а контроль над нефтегазовыми регионами и возможность маневрировать энергоресурсами - ключевыми условиями политического и экономического влияния в мире. Соответственно, энергетическая безопасность, понимаемая как «обеспеченность доступа к энергетическим ресурсам, необходимым для поступательного развития национальной мощи», все чаще воспринимается как фундаментальная проблема национальной безопасности.

КАТЕГОРИЯ СИЛЫ КАК ЭМАНАЦИЯ ВЛАСТИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Точкой отсчета большинства концепций политического мышления в теории международных отношений является «сила» (англ. *power* - сила, мощь, власть), которая определяется как «возможность государства использовать свои реальные или потенциальные ресурсы таким образом, чтобы воздействовать на образ жизни и поведение других государств» [1], «способность действовать, обусловленная количеством и качеством ресурсов, выделяемых для достижения определенных политических целей во внешнем мире, что определяется состоянием национальной экономики» [2], «способ получения желаемых результатов» [3].

Наиболее релевантной заявленной теме является теория политического реализма, основными категориями которой являются, по Г.Моргентау*, национальный интерес (*national interest* - объективно значимые цели и задачи национального государства как целого) [4] и баланс сил (*balance of power* - равнодействующая столкновения национальных интересов, эффективное средство сохранения ми-

ра, как результат действия национальных правительств или как порядок в международных отношениях, не зависящий от политиков) [4. Р. 15].

В теории политического реализма эти понятия являются основными категориями. Исследуя истоки политики в отношениях между государствами, Г.Моргентау писал о «концепции интереса, понимаемого в терминах власти (силы)..., зависимость от ситуации». При таком подходе идея власти концентрировалась в понятии интереса, а «концепция интереса», определенного с помощью термина «сила», позволила выяснить сущность как внутренней, так и внешней политики государства [4. Р. 202].

На современном этапе развития международных отношений т.н. «силовой арсенал» государств существенно расширился. Помимо традиционного понятия «жесткой силы» (*hard power*) [5], в научный и эмпирический оборот введены понятия «мягкая сила» (*soft power*) [6], «умная сила» (*smart power*) [7], «киберсила» (*cyber power*) [8], намеченный, но не отрефлексированный концепт «разумной силы».

ВЛИЯНИЕ И СИЛА В КИТАЙСКОМ ПРОЧТЕНИИ

Применительно к развитию заданной темы наиболее релевантным является понятие «мягкая сила», впервые упомянутая в древнекитайском тексте «Канон Пути и благодати» (*Дао дэ цзин*, IV/V/VI вв. до н.э.), открытое для западной научной мысли в концепте «культурно-идеологической гегемонии» А.Граммши** [9] и введенное в современный научный оборот Дж.Наем***. «Мягкая сила» (*soft power*) - способность получать желаемые результаты в отношениях с другими государствами за счет привлекательности собственной культуры, ценностей и внешней политики, а не принуждения или финансовых ресурсов [10].

Многовековой опыт Китая в использовании этого концептуального подхода раскрывает китайский тезис «влияние важнее власти». Практикующееся в западных подходах понимание власти/влияния, как стремления к прямому и силовому геополитическому контролю, в китайской транскрипции понимается как ограниченное, естественное, точно дозированное, направленное воздействие на ключевые точки регионов и стран,

* Ганс Моргентау (1904-1980) - американский политолог, общепризнанный основатель и глава школы прагматизма и политического реализма, ведущий теоретик США по внешнеполитическим вопросам. См.: <https://www.geopolitica.ru/article/realisticheskaya-teoriya-gansa-morgentau>

** Граммши Антонио (1891-1937) - итальянский марксист и социальный теоретик, ленинист, революционер, представитель неомарксизма (прим. авт.).

*** Джозеф С.Най-младший (р. 1937) - американский политолог, разрабатывающий ряд направлений в рамках неолиберализма, в т.ч. теорию комплексной взаимозависимости; ведущий эксперт по международным вопросам (прим. авт.).

государств и общественных систем. Хорошо разработанные принципы стратегий «побеждать, не сражаясь», «управление миром, помощь народам» (*цзинши цзиминь*) позволяют Китаю размышлять о том, как не прямо, но косвенно контролировать весь мир. В этом деле руководство КНР ни в чём не полагается на волю случая и гибко действует приёмами «мягкой силы».

Реалисты исходят из того, что государства при защите национальных интересов обязаны идти на соглашения, достигаемые путем взаимных уступок (компромиссы), сдерживать свое стремление к власти (доминирование в мировой политике), если это оправданно. Компромиссу не подлежат только жизненно важные интересы. Государства участвуют в международных отношениях посредством дипломатии. При этом внешнеполитические цели государств непременно формулируются сквозь призму национальных интересов и должны быть поддержаны соответствующими ресурсами.

Г.Моргентау определил элементы национальной мощи: география, природные ресурсы, промышленный потенциал, военная подготовленность, численность населения, национальный характер, национальная мораль, качество дипломатии, качество правительства. Главным фактором мощи государства по Моргентау является «искусство совмещения различных элементов национальной мощи вокруг достижения внешнеполитических целей» [4. Р. 15].

Применяя свой реалистический подход к балансу сил в Азии, Г.Моргентау предвидел, что события в Азии, особенно в Китае, могут, в долгосрочной перспективе, нести серьезные последствия для остального мира [4. Р. 15]. Он отмечал, что пробужденные массы Азии будут использовать пространства, природные ресурсы, огромные массы людей, политические силы, современные технологии и современные нравственные идеи для своих целей. Развивая данную геополитическую концепцию в работе «Дальний Восток», классик реализма констатирует: «Китай станет наиболее могущественной державой на азиатском континенте» [11]. При этом он призывал не преувеличивать значение идеологии в китайской внешней политике: «поразительный контраст между идеологическими претензиями и реальной политикой... Внешнеполитические шаги Коммунистического Китая с 1949 г. были основаны на фундаментальных национальных интересах» [4. Р. 15].

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ - НЕВОЕННЫЕ ПАРАМЕТРЫ СИЛЫ

Основные перемены на международной арене сегодня связаны, прежде всего, с использованием

невоенных параметров силы (хотя военная мощь по-прежнему является показателем т.н. «авторитета» государства). В рамках исследований школы международной политической экономии энергетика относится к «вторичным структурам силы» (*secondary power structures*) [12], которые играют ключевую роль в обеспечении четырех первичных структур: безопасности (*security*), финансов (*finance*), производства (*production*) и знания (*knowledge*). Обладание энергетическими ресурсами, по последствиям воздействия, особенно в перспективе, могут конкурировать с применением военной силы.

В условиях жесткой конкуренции, считают сторонники неореализма, между государствами неизбежны конфликты [13].

Доминирование интересов национальных игроков проявляется в зависимости от статуса экспортер/импортер в таких феноменах, как «ресурсный национализм» (укрепление государственного и общественного контроля над природными ресурсами: сокращение экспорта, манипулирование ценами - как для извлечения максимальной прибыли, так и для оказания политического давления на отдельных импортеров, ограничение доступа иностранных компаний к разработке национальных природных ресурсов) и «ресурсный алармизм» (*alarm* - тревога, представление о недостатке природных ресурсов в собственной стране). Следствием «ресурсного алармизма» становится «ресурсная экспансия» (расширение сферы экономического влияния в богатом ресурсами регионе, экономические действия страны посредством вытеснения других стран, захвата рынков, приобретения ресурсных источников), катализирующая напряженность в сфере международных отношений.

Наблюдается усиление внимания к «энергетической безопасности», как ключевой составляющей национальной безопасности. Одна из главных особенностей проблемы глобальной энергобезопасности (обеспечение оптимальным сочетанием различных видов энергии для устойчивого экономического и социального развития мира, с минимальным ущербом для окружающей среды) заключается в том, что односторонние действия государств не приводят к положительным результатам и требуют совместные усилия всех сторон, заинтересованных в решении данной проблемы.

В этой связи, в теории структурного реализма Кеннета Уолтса* [14] можно найти объяснение проводимой государствами стратегии доминирующего союза во избежание перевеса сил у какой-либо страны [14. Р. 126]. Определяя структуру как совокупность сдерживающих факторов, приводящих к расхождению между намерением и ре-

зультатом, К.Уолтс провел убедительную аналогию между теорией баланса сил и теорией идеальной конкуренции [14. Рр. 89-93] и сформулировал принцип «непреднамеренного и нежелательного результата».

По К.Уолтсу, в условиях идеальной конкуренции (отсутствие препятствий для выхода на рынок и наличие полноты необходимой информации) следствием независимого стремления каждого государства реализовать собственные интересы (намерения) результаты могут быть нежелательными и непреднамеренными [14. Рр. 119-122]. Другими словами, у субъектов международных взаимодействий была возможность избрать путь сотрудничества, но структура мира, в котором они находились, в результате приводила к отказу от сотрудничества. Поскольку абсолютным приоритетом государств есть выживаемость, баланс сил становится основополагающим.

Эволюция мировой энергетики детерминруется совокупностью обстоятельств неэнергетической природы - политики, экономики, социальной динамики. В то же время процесс глобализации и связанные с ними трансформации финансово-экономического пространства многократно усилили роль энергетической компоненты в международных отношениях. Новые вызовы обостряют конкуренцию за право доступа к энергоресурсам: опережающий рост энергопотребления; нарастающая напряжённость энергоснабжения; усиление дифференциации между энергопроизводящими и энергопотребляющими регионами; появление новых масштабных потребителей и импортеров энергоресурсов; мировой финансово-экономический кризис. Усиление тенденции стран к энергетическому самообеспечению провоцирует обострение таких радикальных явлений, как «ресурсный национализм» и «ресурсный алармизм». Обеспеченность энергоресурсами все чаще воспринимается государствами как фундаментальная проблема национальной безопасности, что отражается в их национальных внешнеэкономических и внешнеполитических стратегиях.

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ЦА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Контроль над нефтегазовыми регионами становится одним из ключевых условий политичес-

кого и экономического влияния в мире. Один из таких регионов - Центральная Азия. Углеводородные ресурсы ЦА и вплотную примыкающие к региону месторождения Каспия превратились в объект международной конкуренции, геостратегического противостояния, военных вызовов и угроз, обусловленных устремлениями ведущих стран мира и межгосударственных союзов к нефтегазовым ресурсам региона.

При осуществлении масштабных проектов в энергетической сфере ЦА особую роль играют два крупнейших государства Евразии - Россия и Китай. От качества российско-китайских энергетических отношений в ЦА во многом зависит общий уровень региональной стабильности и эффективность экономического взаимодействия со странами региона. Учитывая масштабы России и Китая, их взаимодействие влияет на все основные сферы международных отношений не только на двустороннем и региональном уровнях, приобретает все более глобальный характер.

Углеводородная политика РФ и КНР в центральноазиатском регионе обусловлена собственными приоритетами, которые объективно не могут совпадать: доступ к энергетическим ресурсам, новые маршруты транспортировок, выгодные условия контрактов и пр. Подобные противоречия могут порождать элементы конкуренции и вызывать определенную напряженность в двусторонних отношениях стратегических партнеров. Сложившийся высокий формат российско-китайского партнерства пока позволяет политическими средствами частично или полностью купировать уже имеющиеся и формирующиеся энергетические (углеводородные) разногласия двух стран. Однако политические ресурсы имеют свои пределы.

Россия, как один из крупнейших в мире производителей, поставщиков и транзитеров энергоресурсов, ощущает острую необходимость скорейшей разработки и реализации восточного вектора своей энергетической политики. Актуальность российско-китайского энергетического сотрудничества обусловлена спецификой национально-региональных (энергетических) интересов, прямо или косвенно влияющих на общий уровень и характер двусторонних и многосторонних межгосударственных отношений. Важность проекта связана с освещением возможностей и путей реализации, пока неиспользуемого и большого, потенциала энергетического сотрудничества РФ и КНР.

Пекин озадачен необходимостью обеспечения

* Кеннет Уолтс - американский политолог, представитель теории неореализма; профессор политической науки в Калифорнийском университете Беркли и Колумбийском университете, в 1987-1988 гг. - президент Американской ассоциации политической науки (APSA), член Американской академии искусств и наук. Основные научные интересы Уолтса - теоретические и методологические проблемы международных отношений как самостоятельной дисциплины. См.: <http://www.politnauka.org>

своей растущей индустриальной структуры энергетическими ресурсами, учитывая их относительную нехватку внутри страны. Сохраняя высокие темпы экономического роста, Китай стал одним из крупнейших потребителей энергоресурсов, оказывая влияние на формирование мирового ТЭК, на мировые и региональные тенденции развития энергетики, ее структурные и технико-экономические параметры. Вероятная взаимозависимость и возможная взаимодополняемость региональных энергетических систем автоматически не раскрывает высокий потенциал российско-китайского партнерства в энергетической сфере.

В современных условиях энергетическое партнерство Китая с другими странами сочетается с внешнеполитическим курсом на обеспечение национальной энергетической безопасности. В частности, это касается диверсификации источников поставок энергетических ресурсов с целью уменьшить зависимость от стран Северной Африки и Персидского залива, события в которых увеличивают политические риски для обеспечения энергопоставок КНР из этих стран. Кроме того, Китай исходит из того, что активное сотрудничество с Россией в области энергетики будет способствовать формированию региональной системы энергетической безопасности. Поставки энергетических ресурсов из соседних регионов России могут оказаться более экономичными и надежными в сравнении с поставками из других регионов мира. Безусловно, определяющую роль здесь будет играть то обстоятельство, что огромные сырьевые запасы России территориально приближены к китайской границе и исключают стратегически рискованную морскую логистику.

В силу географического положения Россия и Китай, казалось бы, «обречены» на сотрудничество, однако этот факт не обеспечивает его беспроblemный характер, в первую очередь в энергетической сфере.

На первый взгляд, две страны являются естественными энергетическими партнерами. Россия - одна из ведущих в мире стран по объемам добычи энергоресурсов: она занимает ведущие позиции по добыче нефти и является вторым (после США*) производителем природного газа, лидируя по его запасам. Китай, превратившийся в мировую фабрику, проявляет растущий и платежеспособный интерес к энергетическому сырью и энергии, стремясь развивать свою экономику и удовлетворять растущие потребности населения в электричестве и топливе. Китайская экономика -

вторая по совокупному объему ВВП (после США)**, самая быстроразвивающаяся из крупных экономик в мире. Китай - глобальный потребитель энергетических ресурсов, что представляется особым интересом для российской экономики.

В энергетических связях двух стран существует огромная взаимодополняемость, поскольку у России есть сырье, а у Китая - дешевая рабочая сила и производственный потенциал. Стороны, как показал опыт сотрудничества на правительственном уровне и на уровне ведущих российских и китайских энергетических компаний, имеют общие геополитические и экономические интересы, и их согласованная реализация выгодна обоим государствам.

Основополагающая причина, приводящая в действие китайскую энергетическую стратегию в целом и ее энергетические отношения с Россией, в частности, состоит в неспособности Китая в достаточной мере обеспечить себя энергией для удовлетворения внутренних потребностей.

В 2008 г.*** импорт нефти превысил собственную добычу, и Пекин превратился из чистого экспортера нефти в чистого импортера. Данное обстоятельство лежит в основе китайского энергетического экспансионизма, объектами которого становятся Латинская Америка, Африка и Ближний Восток. Россия и бывшие советские республики Центральной Азии играют все более важную роль в обеспечении энергетической безопасности Китая, а КНР, соответственно, - в обеспечении их долговременной экономической безопасности. Китай давно уже добивается от России получения доступа к ее сырьевым богатствам.

Россия, в свою очередь, стремится укрепить азиатский вектор своей внешней политики и экспорта. Если исходить из устойчивых геополитических и экономических интересов страны, региональных процессов в мировой экономике, тенденций в международной системе энергообеспечения, закономерно предполагать, что Россия заинтересована в: диверсификации экспортных поставок за счет переориентации части потоков углеводородов с «перегретого» и в основном стагнирующего европейского рынка на динамичные азиатско-тихоокеанские рынки (прежде всего, Китая, Ю.Кореи); обеспечении прямого (минуя транзитные страны) выхода на традиционные и новые рынки сбыта нефти, нефтепродуктов и газа; получении долгосрочных гарантий по закупкам нефти, нефтепродуктов и газа по обоснованно высоким ценам; участие в управлении (совместной эксплу-

* <https://yearbook.enerdata.ru/natural-gas/world-natural-gas-production-statistics.html> (accessed 28.11.2018)

** <https://inosmi.ru/economic/20180701/242644135.html> (accessed 28.11.2018)

*** <http://stats.gov.cn> (accessed 28.11.2018)

атации) транзитной, транспортной и распределительной инфраструктурой нефти, нефтепродуктов и газа на территории стран-импортеров; участия в прибылях от реализации нефти, нефтепродуктов и газа на территории стран-импортеров.

Растущая взаимозависимость региональных энергетических систем РФ и КНР, крупнейших производителей, транзитеров и потребителей энергии в Евразии, оказывает влияние на формирование мирового ТЭК, ценовые, технологические и политические тенденции развития в энергетике. РФ и КНР ощущают острую необходимость углубления двусторонней энергетической кооперации на основе национальных «путевых энергетических карт», с учетом координации технологических, финансовых, маршрутных энергетических интересов РФ и КНР.

До недавнего времени малая выразительность и недостаточная акцентированность внешнеполитического курса Пекина, дистанцирование от роли лидера укладывались в рамки китайской традиции. Председатель Мао Цзэдун утверждал, что Китай не собирается становиться сверхдержавой. Дэн Сяопин оставил преемникам своеобразное политическое завещание: «Внимательно наблюдай, обеспечивай нашу безопасность, решай вопросы хладнокровно, скрывай наши возможности и жди нашего времени; умей оставаться в тени и никогда не объявляй лидерства» [15].

В 1985 г. глава Коммунистической партии Китая (КПК) Ху Яобан заявил, что КНР достигнет статуса сверхдержавы к 2049 г. - к 100-летию основания Народной Республики. Дэн Сяопин был более осторожен в оценках. По его расчетам, к 2049 г. Китай мог стать лишь среднеразвитым государством. Однако на съезде КПК в 2012 г. было подтверждено, что статуса сверхдержавы Китай достигнет к 2049 г. Ведущие отечественные синологи констатируют факт реализации стратегии становления Китая как великой державы [16].

Идея «нации Китая» (*чжунхуа миньцзу*), принадлежащая Сунь Ятсену, пройдя через столетие, вошла в идейно-политический арсенал «третьего», «четвертого поколения» и перешла по наследству новому, «пятому поколению китайских руководителей» в виде идеи «великого возрождения нации Китая», но уже с обновленным смыслом, с учетом современных реалий, новым направлением и новой формой реализации. Она воплощена в глобальной стратегии внешнеэкономического наступления, получившей известность под девизом «идти вовне» (*цзоу чуцзюй*). Цель стратегии - пре-

вратить КНР уже к 2020-2030 гг. в самую экономически мощную державу мира [17].

На проходившей в Пекине конференции по вопросам дипломатии 25 октября 2013 г. председатель Си Цзиньпин, говоря о курсе «в отношении сопредельных стран», подчеркнул, что «стратегической целью китайской внешней политики является служение задаче национального возрождения» [18], в стратегические задачи которой вписана Концепция «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭППП)*. В отдельном разделе Концепции [19] присутствует тезис о том, что Китай не только по-прежнему привержен «политике открытости», но и намерен строить ее новый вариант. Речь идет о «модели открытости по всем азимутам» и направлениям [20]. В своей внешнеполитической стратегии КНР объективно опирается, в большей мере, на детерминанты глобального уровня [21], стремясь трансформировать под свои национальные интересы современную архитектуру международных отношений.

В современном Китае концепция «мягкой силы» нашла свое отражение в стратегии китайского руководства, выдвинутой еще на XVII съезде партии (2007 г.), когда в докладе Ху Цзиньтао прозвучал призыв о повышении культурной «мягкой» мощи государства и «мягкой силы» во внешней политике. «Мягкая сила» Китая находит свое продолжение в идее социальной гармонии, создание которой является в Китае одной из основных государственных задач.

Китайская мифологема «гармония в мире» становится элементом идеологии взаимодействия КНР с внешним миром. Однако после прихода нового, пятого, поколения руководства китайская стратегия влияния, реализуемая в принципах «мягкой силы» и «выхода китайской культуры за пределы» посредством гуманитарных технологий, становится все более очевидным инструментом демонстрации государственной мощи Китая [16, с. 17-28]. Г.Киссинджер подчеркивал, что современный Китай стал державой, имеющей интересы в каждом уголке Земли [22].

В условиях роста значения ЦА как поставщика и транзитера углеводородов усиливается влияние России и Китая на региональную энергетику. Углеводородная политика РФ и КНР обусловлена собственными национальными интересами и приоритетами, которые объективно не могут совпадать, создавая определенные технологические, маршрутные, ценовые и иные нестыковки и различия. Китай во всех своих программах пло-

* 28 марта 2015 г. Государственный комитет по делам развития и реформ КНР, МИД и Министерство коммерции КНР совместно обнародовали документ - «Концепция и план действий по содействию совместному строительству «экономического пояса Шелкового пути» и «морского Шелкового пути 21-го века» - <http://kz.chineseembassy.org/rus/gyzg/t1250518.htm>

творно и целенаправленно оформляет экономическое развитие региона ЦА в качестве приоритетного направления региональной политики. Эмоциональное, историческое, политическое и культурное тяготение постсоветских государств ЦА к России ослабевает под упрочняющейся экономической связкой с Китаем. В этой связи, постсоветские государства ЦА не без оснований испытывают определенные опасения попасть в зависимость от Китая.

В регионе ЦА с каждым годом усиливается процесс политизации энергетических отношений. Энергетика давно превратилась в политическое и дипломатическое «оружие» государств, обладающих этим ресурсом. В настоящее время возможности «энергетической дипломатии», несмотря на колебания нефтяных цен, значительно возросли, особенно в политике малых, относительно слабых государств, не имеющих других действенных политических инструментов влияния.

Контроль над нефтегазовыми регионами, к числу которых относится и ЦА, становится одним из ключевых условий политического и экономического влияния в мире. Углеводородные ресурсы ЦА и вплотную примыкающие к региону месторождения Каспия превратились в объект международной конкуренции, геостратегического противостояния, военных вызовов и угроз, обусловленных устремлениями ведущих стран мира и межгосударственных союзов к нефтегазовым ресурсам региона. Усиление тенденции стран к своему энергетическому обеспечению провоцирует обострение таких радикальных явлений, как «ресурсный национализм» и «ресурсный алармизм».

В связи со стремительным экономическим ростом и перманентным увеличением степени модернизации во всех отраслях народного хозяйства спрос на энергию в Китае увеличивается прогрессирующими темпами, особенно растет спрос на нефть и газ. Обеспеченность энергоресурсами все чаще воспринимается государствами как фундаментальная проблема национальной безопасности, что отражается в их национальных внешнеэкономических и внешнеполитических стратегиях.

Сложившийся высокий формат российско-китайского стратегического партнерства пока позволяет политическими средствами частично или полностью купировать уже имеющиеся и формирующиеся энергетические (углеводородные) разногласия двух стран. Однако политические ресурсы также имеют свои пределы.

Подводя итог, выделим несколько тезисов, которые являются стратегическими в выстраивании модели анализа российско-китайского энергетического взаимодействия в Центральной Азии.

Российская Федерация, несмотря на утрату монополии на рынке углеводородных поставок и транзита в ЦА после распада СССР, остается одним из крупнейших производителей, поставщиков и транзитеров энергоресурсов. После почти двух десятилетий неопределенной позиции в энергетическом секторе региона РФ осознает потребность скорейшей разработки и реализации восточного вектора своей энергетической политики и стремится восстановить утраченные позиции в ЦА в условиях нарастания неблагоприятных экономических (внутренних) и международно-политических (внешних) факторов и тенденций.

В то же время, сохраняя высокие темпы экономического роста, Китай стал одним из крупнейших потребителей энергоресурсов, оказывая влияние на региональные и мировые тенденции развития энергетики, ее структурные и технико-экономические параметры, на формирование мирового ТЭК. Пекин для обеспечения своей растущей индустриальной структуры энергетическими ресурсами (учитывая их относительную нехватку внутри страны) проводит активную диверсификацию внешних и внутренних источников топлива и энергии. Внушительный запас валютных резервов обеспечивает Китаю активную экспансию в зарубежный минерально-сырьевой сектор. В частности, углеводородные ресурсы Центральной Азии попали в сферу интересов «великой ответственной державы». Китай активно реализует свою внешнюю энергетическую стратегию, занимая все новые ниши в энергетическом секторе центрально-азиатских республик.

По мнению профессора В.А.Дергачёва*, «срединная часть Хардленда ассоциируется с Великой Евразийской степью - гигантским природным коммуникационным коридором между Востоком и Западом, вдоль которого осуществляется интенсивный материальный, культурный и информационный обмен. Здесь пройдут транспортные коммуникации будущего между полюсами экономического и технологического развития в Западной Европе и Азиатско-Тихоокеанском регионе» [23]. Перефразируя Х.Маккиндера**, можно говорить о том, что, кто владеет евразийской степью, тот выполняет функции экономического транзита и транслятора межцивилизационного диалога.

* В.А.Дергачёв (р. 1945 г.) - российский геополитик, географ-экономист, профессор, доктор географических наук. Иностраный член научного комитета журнала Geopolitica. См.: <http://dergachev.ru/book-geop-2004/>

** Хэлфорд Джон Маккиндер (1861-1947) - английский географ и геополитик. См.: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/391967>

При очевидной взаимодополняемости региональных энергетических систем и наличии большого неиспользуемого потенциала энергетического сотрудничества РФ и КНР интересы держав не всегда соответствуют. Очевидно, что РФ и КНР ощущают необходимость углубления двусторонней энергетической кооперации, со-развития национальных «путевых энергетических

карт», координации технологических, финансовых, маршрутных и пр. энергетических задач. Вместе с тем, существует ряд особенностей национально-региональных (энергетических) интересов России и Китая, а также объективных вызовов и угроз безопасности в ЦА, затрудняющих позитивное движение в данном направлении, что требует совместных усилий с учетом интересов друг друга.

Список литературы / References

1. Stossinger J.G. 1969. The Might of Nations. World Politics in Our Time. New York. P. 27.
2. Puchala D.J. 1994. The History of the Future of International Relations. Ethics and International Affairs. Vol. 8. № 3. P. 187.
3. Russel B. 1965. Power. A New Social Analysis. London: George Allen & Unwin. P. 25.
4. Morgenthau H.J. 1978. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. Fifth Edition, Revised. New York: Alfred A. Knopf. Pp. 4-15.
5. Campbell K.M. & O'Hanlon M.E. 2006. Hard Power: The New Politics of National Security. New York: Basic Books. P. 58.
6. Nye J.S.Jr. 1990. Bound to lead: The changing nature of American power. New York: Basic Books. P. 6.
7. Nye J.S.Jr. 2006. In Mideast, the goal is «smart power». Boston Globe, August 19. P. 2.
8. Nye J.S.Jr. 2010. Cyber power. Harvard Kennedy School. Cambridge: Belfer Center for Science and International Affairs. P. 3.
9. Грамши А. Тюремные тетради // Избранные произведения (пер. с итал.) / [Под общ. ред. И.В.Григорьевой и др.; Вступит. статья Г.П.Смирнова; Примеч. И.В.Григорьевой, К.Ф.Мизиано]. М., Политиздат, 1980. С. 136. (Gramshi A. 1980. Prison notebooks // Selected Works (trans. from Ital.) / Eds. I.V.Grigorieva et al. M.) (In Russ.)
10. Nye J. S. Jr. 2004. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs. Pp. 12.
11. Morgenthau H.J. 1968. U.S. The Far East // Policy in the Far East: Ideology, Religion and Superstition. CRIA Special Studies N 205. [Truth and Power: Essays of a Decade, 1960-70]. New York: Council on Religion and International Affairs, p. 89.
12. Strange S. 2004. States and Markets. 2-nd Revised edition, Continuum International Publishing Group Ltd. P. 80.
13. Moran D. & Russell J.A. 2009. Energy Security and Global Politics: The militarization of resource management New York, Routledge Publ., p. 45.
14. Waltz K.N. 1979. Theory of International Politics. Boston: Addison-Wesley Publishing, 1979, p. 65.
15. Портяков В.Я. Внешнеполитические заветы Дэн Сяопина и их современная интерпретация // Проблемы Дальнего Востока. 2012, № 5. С. 14-27. (Portyakov V.Ya. 2012. Deng Xiaoping's foreign policy testaments and their modern interpretation // Problems of the Far East, № 5) (In Russ.)
16. Титаренко М.Л., Ломанов А.В. Политические и культурные аспекты стратегии становления Китая как великой державы // Проблемы Дальнего Востока. 2015, № 3. (Titarenko M.L. & Lomanov A.V. 2015. Political and cultural aspects of the strategy of becoming China as a great power // Problems of the Far East. № 3) (In Russ.)
17. Гельбрас В.Г. Китай: возрождение национальной идеи. М., Полития. 2003. № 2. С. 80-90. (Gelbras V.G. 2003. China: the revival of the national idea. M., Politiya. № 2). (In Russ.)
18. Си Цзиньпин посетил выставку «Путь возрождения» в Пекине // Жэньминь жибао. (Xi Jinping visited the Renaissance Path exhibition in Beijing // Renmin Jibao) (In Russ.) - <http://russian.people.com.cn/31521/8437415.html> (accessed 12.10.2018)
19. Уянаев С.В. Новые «Шелковые Пути» Китая: принципы и параметры официальной «дорожной карты» // Китай в мировой и региональной политике. М., ИДВ РАН, 2015. С. 242-259. (Uyanaev S.V. 2015. China's New Silk Ways: Principles and Parameters of the Official Road Map // China in World and Regional Politics. M.). (In Russ.)
20. Видение и действия по совместному строительству Экономического Пояса Шелкового пути 21-го века и Морского Шелкового пути // МИД КНР. (Vision and actions for the joint construction of the 21st Century Silk Road Economic Belt and the Sea Silk Road // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China) (In Russ.) - http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics665678/xjpcxbayzlt2015nnh/t1249618.shtml (accessed 12.10.2018)
21. Косоруков А.А. Стратегия Китая в начале XXI века: выход на глобальный уровень // NB: Национальная безопасность. 2014. № 4. С. 31-69. (Kosorukov A.A. 2014. China's strategy at the beginning of the XXI century: access to the global level // NB: National Security. № 4) (In Russ.) - http://e-notabene.ru/nb/article_13390.html (accessed 14.11.2018)
22. Kissinger, H. 2011. On China. New York: Penguin Press. 586 p.
23. Дергачёв В.А. Великая Евразийская степь // Геоэкономический словарь-справочник. Одесса: ИПРЭИ НАНУ, 2004. С. 20. (Dergachev V.A. 2004. Great Eurasian Steppe // Geo-economic dictionary-reference. Odessa). (In Russ.)